

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. П. ДУЛЬЗОН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ АФФИКСОВ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Сопоставление падежных аффиксов тюркских языков с енисейскими позволяет отнести к пратюркскому времени аффиксы *-нын* (посессив), *-ны* (вин. п.), *-к* > *-У* (вин. п.), *-та* (местн. п.), *-тан* (исх. п.), *-ка* (инессив), *-ин* (орудн. п.), *-на* и *-ла* (твор. п.) и выдвинуть гипотезу о том, что генетически система склонения тюркских языков могла быть связана с системой енисейского типа¹. При этом возникает вопрос, нельзя ли распространить это утверждение также на монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, т. е. нельзя ли отнести становление основной массы указанных аффиксов к протоалтайскому времени. С этой целью будут рассмотрены монгольские и тунгусо-маньчжурские падежные аффиксы, имеющие параллели в тюркских языках. Но прежде чем перейти к этому, необходимо указать принципы, в соответствии с которыми может быть найдена морфологическая база праязыкового времени для отдельных семей, которая позволила бы сопоставлять разные формы в выбранных для сравнения языках с достаточной достоверностью.

Гласные и согласные в составе тюркских падежных аффиксов имеют чередующиеся варианты. Гласные (если отвлечься от лабиальной гармонии) могут быть сведены к двум рядам таких вариантов: 1) *ы* — *и* (посессив, вин. падеж, орудн. падеж), 2) *а* — *е* (инессив, исх. падеж, местн. и твор. падежи). Вариация гласных по переднему или заднему ряду объясняется гармонией гласных, но отбор основных гласных (*ы* или *а*) остается необъяснимым, если не выходить за пределы этих языков. В енисейских языках первому ряду чередования соответствует ряд *а(ы)* — *и*, а второму только *а* или *е*, например: *бу-даң*, *бу-дың* «у него», *бу-диң* «у нее»; *сес-ка*, *сес-ке* «в реке». Чередование гласных *а(ы)* — *и* в енисейских языках служило для выражения классных значений (одушевленности, пола и неодушевленности); после утраты этих значений имевшиеся фонетические варианты способствовали развитию системы гармонии гласных.

Отметим два обстоятельства, важных в методическом отношении: 1) если бы был известен только диалектный вариант *бу-даң*, его трудно было бы связать с тюркским *-дың*; 2) если не учитывать функций отдельных звуков, то было бы легко спутать первый ряд чередования со вторым. Так, например, исходя из кетских форм *бу-даң-т(а)* «у него», *а-баң-т(и)* «у меня», можно было бы постулировать чередование *а* — *и* в аффиксе местн.

¹ См.: А. П. Дульзон, Кетско-тюркские параллели в области склонения, «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Тезисы докладов на конференции, организованной ЛО Ин-та языкознания АН СССР (7—9 апреля 1970 г.)», Л., 1970; е г о ж е, Кетско-тюркские параллели в области склонения, «Советская тюркология», 1971, 1. Ср., однако, иную точку зрения: V. T h o m s e n, Sur le système des consonnes dans la langue ouïgour, «Keleti Szemle», II, 1901, стр. 241—259.

падежа. На деле же *-а* и *-и* выделяют различные точки пространства: *та* «там подальше», *ти* «тут поближе»; ср. *кан'* «там» — *кин'* «здесь». Тюркским падежным аффиксом местн. падежа стал вариант с первым значением (*та*).

Согласные аплаута в составе падежных аффиксов в тюркских языках могут быть сведены к следующим трем рядам: 1) *k, Y, 0*; 2) *д, т, н, з, 0*; 3) *т, д, н, з, р, л, ч*. Первый из этих рядов, выражающий те же значения и в енисейских языках (с вариантом, в котором увулярный смычный замещается гортанным смычным), не требует особых замечаний. Во второй ряд согласных, встречающихся в аффиксах посессива (адессива), род. и инстр. падежей, входят *т* и *з*, имеющие явно ассимилятивное происхождение; исходным предлагается считать *н*; он восходит к *д*, присущему енисейским языкам. Отпадение *н < д* в род. падеже в чувашском и огузских языках надо отнести к очень раннему времени, так как оно имеет параллель в енисейских языках².

Третий ряд чередований связан с двумя фонетическими различными условиями: согласный находится в открытом слоге (аффикс местн. падежа) или в закрытом (аффикс исх. падежа). В обоих случаях варианты *д* и *з* исключаются как ассимилятивные. Для определения качества исходного согласного особенно важен учет позиции между гласными. В чувашском здесь представлен звук *р*. Если иметь ввиду, что *ч* в чувашском варианте должен восходить к *т'*, то естественно предположить следующий ход развития для этого звука: $t > d > \delta > p$. К этому же звуку можно возвести согласный в башк. *-ла < -ра* (*дала-ла* «в степи»). Башк. *-нан* в той же позиции (*дала-нан* «из степи») могло возникнуть из *-дан* путем ассимиляции с конечным *н*. Полную аналогию фонетического развития этого окончания показывает уступительная частица в башкирском языке; ср., например, *касан булһа ла* «когда бы то ни было»; *ниндэй генә эш эшләмәксе булһаң да* «какое бы дело тебе не пришлось делать»; *шуны нисек тә булһа* «как бы то ни было» и т. д.³; ее исходная форма — *та*. Имеющийся в третьем ряду *д* нельзя отождествить с *д* второго ряда, так как последний никогда не чередуется с *р*. Исходя из енисейских языков, возводим согласный этого ряда к *т*, но общетюркским являлось, вероятно, уже *д*.

Рассмотрим падежные аффиксы в монгольских языках, которые имеют гораздо меньше общих черт с енисейскими языками, чем тюркские. Этот факт может свидетельствовать о том, что выделение протомонголов произошло раньше, чем прототюрков. К тому же монгольские языки показывают в своей падежной системе некоторые очень архаические черты, не сохранившиеся даже в енисейских языках. Таково, например, в ряде случаев четкое отграничение формы падежа субъекта от падежа несубъекта — оно сохранилось с тех времен, когда склонения как такового еще не существовало и особыми показателями, ставшими впоследствии падежными аффиксами, отмечались только слова-члены предложения. Наиболее отчетливо это разграничение выступает у группы существительных, которые оканчиваются на неустойчивый или скрытый звук *н*, а также у личных местоимений. Приведем примеры с таким существительным: бурят. *морин жил* «год лошади», *морин дээрэ* «на лошади», *морин ябана* «лошадь идет» — *мори бариба* «лошадь поймали»; ср.-монг. *му-ң* «он», кет. *бу-д* «он», мн. ч. ср.-монг. *му-д*, кет. *бу-ң* «они». В кетском языке, сохранившем классное построение, этому *-н* соответствует во всех трех случаях классный показатель *-д*. Значение этого показателя здесь зависит от его позиций во фра-

² См. об этом: А. П. Дульзон, Группа енисейских языков, ФН, 1970, 5, стр. 79 и сл.

³ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 270.

зе: перед глаголом δ обычно сливается с ним и выражает субъект, относя действие к одушевленному предмету, названному раньше; перед существительным классный показатель δ обозначает принадлежность предмета упомянутому ранее одушевленному существу. Можно предположить, исходя из этого, что *морин ябана* могло произойти путем переразложения из **мори н-ябана*, где $n < \delta$ выполнял функцию префигированного субъектного показателя.

Обращаясь к рассмотрению отдельных падежей монгольских языков, отметим, что род. падеж по составу своих аффиксов неоднороден. Общим для всех монгольских языков является аффикс, возводимый к *(y)n ~ ~(y)n⁴, с вариантами класс.-монг. -ун, -jin, -у < -ун, -ы < -ын; халх. -н, -и:н, -ги:н, -ий; калм. -и:н, -ги:н, -н; бурят. -и:н, -ги:н, -н. Другой вариант, параллельно употребляемый, нельзя свести к только что указанному, ср.: бурят. -ай, -эй, -ой, калм. -а: < -ай, -а: < -эй.

Варианты монгольского показателя род. падежа, присоединяемые к основам существительных с неустойчивым n в конце, можно отождествить с тюрк. -ның — -ниң, енис. -дың — -диң и тем самым предположить, что, например, класс.-монг. *морин-у* возникло из *мори-нуң*. Конечный звук -ң, сохранился в некоторых монгольских языках (монгольский, бурятский), в других перешел в -н или -ий (-иң > -иҮ > иҮ' > -ий).

Падежный аффикс -ай — -эй, встречающийся в бурятском и калмыцком языках (например: бурят. *малай* «скота», *гарай* «руки», *мориной* «коня» при им. падеже *мал*, *гар*, *морин*), восходит к форманту прилагательных *-кай, представленному в письм.-монг. *ману-кай* «наш, принадлежащий нам»⁵. Развитие этой падежной формы на конкретном примере слова бурят. *манай* «наш» можно объяснить так: **маныңкай* > *манъңгай* > > *манъңай*, *манъҮай* > *манай*. Опираясь на аналогию с кетским языком, можно полагать, что исходная монгольская форма состояла из посессива **маның* «у нас» и *-ка-и* «находящийся», где *-ка-*—древний аффикс местн. падежа в предикативной форме состояния (на последнюю форму указывает аффикс -и). Аффикс *-ка* представлен в класс.-монгольском в виде *a: < a-ga*.

Вин. падеж во всех монгольских языках встречается в вариантах -г, -ыг, -ийг, -ги, -ге, -и:, -ji:, -ије, -је, которые возводятся к -(u)gi < *(u)ki⁶. Этот аффикс, имеющийся также в древнетюркском, совпадает с аффиксом -k кетского инкорпорированного падежа личных местоимений и существительных в каузативных формах глагола. В монгорском вин. падеж имеет аффикс -ни, характерный также для всех тюркских языков.

Формант исх. падежа в монгольских языках — *-ача*, *-а:с*, *-а:са*, *-са*, *-дза*, *-а:һа*, *-һа:* — возводится к **a-ча*⁷, он составной. Первый элемент в нем — аффикс локатива (-а), встречающийся также в варианте *-га* (например, бурят. *буру:гаһа:* «от тельца», при им. п. *буру:*). Типологически общим с монгольским является построение этого падежа в кетском, например: *бу-даң-ал* «от него» (*будаң* «у него», *ал* «прочь повернуть»). Материально аффикс *-ча* совпадает с котским *-чаң*, где *-ң* — предикативный формант.

Аффикс совм. падежа во всех монгольских языках довольно единообразен: *тай*, *тэй*, *ти:*, *та:*, *тй:* и возводится к **тай*. Окончание того же

⁴ N. Poppé, Introduction to Mongolian comparative studies, Helsinki, 1955, стр. 187.

⁵ Там же, стр. 190.

⁶ Г. Д. Санжеев считает этот согласный вставочным (см. его «Сравнительную грамматику монгольских языков», 1, М., 1953, стр. 162).

⁷ Там же, стр. 170.

падежа в кетском — *ас'*, *фас'*, *фай*, *ай* — употребляется и самостоятельно в значении союза «и». Формы на *ас'*, *ай*, *фас'*, *фай* представляют собой производные предикативные формы; соответствующие непредикативные формы (*а*, *фа*, *па*) в енисейских языках встречаются у существительных и наречий, например: кет. *һуш-па-һ* «вместе» («один с кем-то»), *и:н-па* «по два (раза)». В составе глаголов этот аффикс употребляется в двух разнозначных вариантах — *-а* (передает ненаправленное действие), *-та* (направленное); например: *саҮатет* < *сак-а-тет* «шагать, шагом отбить»; *сак-тантет* < *сак-та-б-тет* «топтать это (б)». Эти варианты часто встречаются в предикативном оформлении: *баң сак-а-й-тет* «земля протоптана», *баң-га сак-та-й-тет* «в землю затоптать»; *кыт-та-Үет* «натереть жиром» (*кыт* «жир», *Үет* «тереть») — *кыт-та-й-Үет* «промаслить»; *д-ин-та-Үет* «ногтем чесать» (*ин* «ноготь») — *д-ин-та-й-Үет* «прочесать ногтем»; *тул'тан-та-Үет* «глиной мазать» (*тул'тан* «глина») — *тул'тан-та-й-Үет* «глиной обмазать»; *коңлак-та-бет* «колокольчиком звонить» (*коңлак* «колокольчик») — *коңлак-та-й-е-бет* «колокольчиком зазвонить». Можно предположить, что монгольский аффикс *тай* восходит к енисейскому *тай* у инкорпорированных существительных. К тому же *й* в монгольских языках может осмысливаться как предикативный показатель ед. числа имени одушевленного предмета, с которым коррелирует *н* как показатель одушевленного множества, например: класс.-монг. *морита-й* «имеющий коня, всадник»⁸ — *морита-н*, халх. *моритоң* «имеющие коня, всадники»; это использование полностью совпадает с коттским. Аффиксы *-тай*, *-тан* нельзя смешивать с *ту-*, словообразовательным суффиксом со значением «обладающий (чем)», который свойствен классическому монгольскому, как и енисейским языкам. Ср., например: монг. *мори-ту күйүн* «конный человек», кет. *ким-ту кет* «женатый человек», *кыт-ту* «жирный».

Единообразное построение имеет в монгольских языках орудн. падеж с аффиксами *-иҗар*, *-бар*, *-а:р*, *-га:р*, *-ја:р*, которые возводятся к **бар* ~ **-Үар*. Мнения по вопросу о его происхождении разноречивы и малоубедительны⁹. Г. Д. Санжеев выделяет в наречиях типа халх. *дэ:р* «наверху», *дор* «внизу», *дотор* «внутри» аффикс *-р*: *деге-р-е* «наверху», *доу-р-а* «внизу» и т. д.¹⁰. В целом ряде аналогичных слов коттский язык показывает аффикс *-l*, например: *еча:l* «на» (*еч-а* «вверх»), *ти-Үал* «внизу» (*ти:Үа* «вниз по течению»), *уҗал* «над, сверху» (*уја*: «сверху вниз») и т. д.¹¹. Во всех этих случаях слова с *l* имеют инессивное значение и их можно рассматривать как составные, в которых *l* восходит к слову *al*, *ar* «часть, сторона подалеже» (*еч-а-al* «верхняя часть»). Б. Коллиндер отметил это слово для тюркских языков, корейского и тунгусских¹². Значение же направленно сти в коттском языке выражает предшествующий гласный *а*. Если принять предлагаемое Г. Д. Санжеевым членение, то в монгольских языках аллативное значение выражено тем же гласным *а*, но расположенным после *р*.

Другой компонент монгольского аффикса орудн. падежа с тремя вариантами (*ба-*, *иа-*, *га-*), если учесть нормы кетского языка, первоначально

⁸ Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 134, 174.

⁹ См.: там же, стр. 170 и сл.; Н. Рорре, указ. соч., стр. 201; В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 89.

¹⁰ Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 172; ср.: Г. И. Рамstedt, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 54.

¹¹ A. C a s t r é n, Versuch einer jensisei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre, St.-Pb., 1858, стр. 148.

¹² B. C o l l i n d e r, Fenno-Ugric vocabulary, Stockholm, 1955, стр. 143; его же, Uralojukagirische Nachlese, «Språkvetenskapliga sällskapetets förhandlingar i Uppsala» (1955—1957), 1958, стр. 113—114 (отд. отт.).

мог представлять собой аллативный аффикс *-а-*, перед которым были расположены предикативные корреляты субъекта: одушевленного (*и*), неодушевленного (*б*) и агенса (*к*); они соответствуют кетским глагольным морфемам *ай*, *аб*, *ак* (в реверсии), например: кет. *кыт-ай-ай* «покрывшийся жиром», *кыт-аб-ай* «вещь, покрывшаяся жиром», *кыт-ак-ай* «что-то или кто-то покрытый кем-то жиром». В этих примерах ясно видна функция выделенных аффиксов: *и* — показатель субъекта состояния, *к* — показатель субъекта действия, *б* — показатель субъекта-вещи. В монгольском на аналогичное первоначальное состояние указывают сохранившиеся в нем, семантически обусловленные различия в употреблении аффиксов орудн. падежа, например: кзл.-монг. *оругсан-и-гар* < **оругса-ай-ар* «в результате того, что вошел» (*и* изображает процесс как состояние субъекта) — *оругса-гар* < **оругса-к-ар* «с тех пор, как вошел» (*г* < *к* указывает на субъект, вызвавший глагольное действие); *јосу-бар* < **јосу-б-ар* «по закону» (*б* соотнесен с предметным значением основы *јос* «обычай, закон») — *јосу-гар* «согласно, в соответствии» (здесь *г* < *к* указывает на установление кем-то обычая или закона). В бурятском и халхаском языках варианты аффикса дифференцируют различные значения — комитативное при сохранении неустойчивого *н* (*мориноор* «с конем») и орудное при утрате этого *н* (*морјоор* «на коне, при помощи коня») ¹³. В кетском языке нет точных совпадений с этим способом образования падежных аффиксов, но в нем встречаются близкие аналогии; ср., например: *кус'-ка* «в чуме» (*кус'* «чум») — *кус'-ка-и* «тот, который в чуме есть» — *кус'-ка-й-дал'* «от того, который в чуме находится» (*дал'* — окончание отлож. падежа) — *кус'-ка-й-даңа* «тому, который находится в чуме» (*даңа* — окончание дат.-направ. падежа); *бу уҮотн-а ат да кас'ноҮос* «она, когда уедет, меня возьмет» (*уҮотн* «она уедет») — *бу уҮотн-ай-Үа ат да кас'ноҮос* «она, когда уедет (будет готова к отъезду), меня возьмет» (*Үа* < *ка* — аффикс местн.-врем. падежа).

Монгольский соединительный падеж имеет аффиксы *-луҮа*, *-ла:*, *-лей*, *-лӓ:*, *-ла:*р, *-ла*, которые возводят к *-ла-га* и *-ла-гар* (*-ла-јар*) ¹⁴. Этот аффикс во всех монгольских языках, кроме монгорского, является составным. Нельзя согласиться с утверждением Н. Поппе, что класс.-монг. *-луҮа* исторически соответствует тюрк. *-лыҮ* ¹⁵. Более вероятным кажется нам соответствие с тюркскими «аффиксами именного словообразования» *-лак* ¹⁶, с одной стороны, и *-ак*, *-ла* ¹⁷, с другой. Конечно, наличие близких по звучанию и по значению аффиксов ¹⁸ могло привести к их контаминации.

Взаимоотношения тюркских именных аффиксов *-ак*, *-ла* и *-лак* могли бы быть предметом особого исследования. Рассмотрим только одно из значений, встречающихся у каждого из этих аффиксов, чтобы установить основное носителя этого значения и объяснить разницу звукового оформления. С точки зрения семантической могут быть сближены следующие ряды:

- а) турецк. *јайла* «кочевье», *кышла* «казарма»;
- б) туркм. *јыҮнак* «собрание» (*јыҮын-* «собираться»), *јатак* «хлев»

¹³ Аналогичное различие имеется в совм. падеже, например: *моринтой* «с конем», *моритой* «имеющий коня», см.: «Грамматика бурятского языка», М., 1962, стр. 83. Ср. также: Г. Д. С а н ж е е в, Грамматика бурят-монгольского языка, М., 1941, стр. 92.

¹⁴ Г. Д. С а н ж е е в, Сравнительная грамматика..., 1, стр. 175.

¹⁵ Н. Р о р р е, указ. соч., стр. 203.

¹⁶ См. об этом: А. П. Д у л ь з о н, Кетско-тюркские параллели в области склонения, сб. «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках» (в печати).

¹⁷ Ср.: Э. В. С е в о р т я н, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966, стр. 178, 200 и сл., 217.

¹⁸ Э. В. Севортян, в частности, подчеркивает, что «показатель *-лаг* связан с аффиксом *-(а)г/к* не только формально, но и своим значением» (там же, стр. 217).

(*jat-* «лежать»), казах. *конак* «гость» (*кон-* «останавливаться на ночлег»), турецк. *отурак* «остановка» (*отур-* «сидеть»);

в) чул.-тюрк. *жайлак* «место летования», *кышлак* «место зимования», узб. *тошлок* «каменистое место» (*тош* «камень»), азерб. *отлаг* «пастбище» (*от* «трава»), *бузлаг* «ледник» (*буз* «лед»), *дузлаг* «место, где дают соль скоту» (*дуз* «соль») ¹⁹.

Объединяющим значением в этих словах является понятие пребывания или сопровождения. В кетском языке такие значения выражаются глагольной морфемой *a*, например: *д-кимайбет* «он с женой (*ким-а*) живет». Можно думать, что тюркская морфема *-ла* представляет собой рефлекс протоенис. морфемы **-ла* — претеритальной основы глагола *a* «пребывать, быть с чем» (форма действия), имевшей параллельную форму состояния **-лак*. Наиболее близкими к этим тюркским формам имен действия являются кетские сложные медиальные глаголы с инкорпорированным именем, определяемой основой которых является указанное *a*. У этих глаголов медиальное значение выражается префиксом *s*, а однократность суффиксом *k*, т. е. основа имеет следующий вид: *-sак* для настоящего времени и *-лак* для прошедшего, например: *койдаңа-бат-сак* «я у соседа (*кой*) немного побуду», *тыҮә-бат-сак* «я вниз (*ты* «низовые реки») ненадолго съезжу», *дигдә-бок-сак* «он меня ненадолго к краю берега (*идә*) сведет», *д-аҮа-ак-сак* «я вверх (*a* «верх», *аҮа* «вверх») ненадолго схожу (побуду и вернусь)», *д-э°л'-ак-сак* «я выйду немного» (*э°л'* «наружная сторона»), *тыҮәбат-лак* «я съездил ненадолго вниз», *тыҮәбок-лак* «он возил меня ненадолго вниз» ²⁰. Если данное предположение правильно, то выходит, что турецк. *жайла* не утратило никакого аффикса и означало вначале только «(где) лето проводили (обычно)», *кышла* «(где) зиму проводили», в отличие от *жайлак*, *кышлак*, подчеркивавшими своим строением время и место пребывания в прошлом (или пребывания по обычаю). В кетском языке в подобных образованиях используют обыкновенно презентную основу глагола, либо в форме действия, либо в форме состояния, например: *аң-ак* «днeвать» (*аң* «дни»), *ди-и-фах* «день (*и*) проведу»; *кытак*, *кытфах* «зимовать, зимовка» (*кыт* «зима»). Для того чтобы в кетском такие глаголы и имена действия могли быть использованы как обозначение определенного места, добавляют слово *баң* «место»: *кытакбаң* «место зимования»; *ди-и-фах-баң* «место, где я проведу день».

Тюркский аффикс *-лыҮ* нельзя сопоставлять с аффиксом *лак* потому, что его гласный входит в ряд *ы ~ и*; можно предположить, что этот гласный восходит к *и*, который сохранился при переднеязычном оформлении слова и был заменен, когда возникла гармония гласных, заднеязычным *и* при заднеязычной огласовке корня. Это *и* можно отождествить с енисейским *и* «бить» (презентная основа, претеритальная — *lu*). Конечный *Ү'*, по-видимому, возник из енисейского предикативного аффикса *j < и*. Наибольшее разнообразие таких форм сохранил из тюркских языков якутский со своими диалектами ²¹; например: долг. *мин убайм отут д'иλλαк* «моему старшему брату около 30 лет»; *мин отут д'илаппын (<д'илакпын)* «мне 30 лет»; *тылак боллум* «теперь у меня лодка есть» (*ты* «лодка»); *инем тыннак ир'дегине* «когда была жива (*тын-нак* «с душой, дыханием») моя мать»; *турдак-пыт-ын-а* «если мы встанем». Сюда же мы относим форму якутского предположительного наклонения типа *мин бар-даҮ-ым* ²², в ко-

¹⁹ К. М е n g e s, The Turkic languages and peoples, Wiesbaden, 1968, стр. 111.

²⁰ Описание таких глаголов см.: Е. А. К р е й н о в и ч, Глагол кетского языка, Л., 1968, стр. 168 и сл.

²¹ Ср.: Е. И. У б р я т о в а, Аффикс обладания *-лаах* в якутском языке, сб. «Белек С. Е. Малову», Фрунзе, 1946, стр. 60—65.

²² Е. И. К о р к и н а, Наклонения глагола в якутском языке, М., 1970, стр. 270.

тором аффикс *-тах-* из **так*, вероятно, восходит к **сак*, имея параллелью упомянутую выше енисейскую основу настояще-будущего времени; на возможность соответствия *т/с* указывает якутское оформление аффикса условного наклонения: якут. *-тар*, в других тюркских языках *са(р)*. Свести якутский аффикс *-даУ* ~ *-тах* к *-дык* считаю невозможным из-за несводимости как его гласного, так и начального согласного. В якутском встречаются и другие варианты рассматриваемой морфемы *а*, например: якут. *күйн-а:йы*, ниже-чулым. *күйн-зей* < *күйн-са-й* «ежедневно»; якут. *бардах айы* «при каждом уходе», долг. *кел' айгым-ай* «каждый раз, когда я приходил»; онгша *киҮи* «по десяти, около 10 человек».

Дат.-местн. падеж в монгольских языках имеет варианты *-д/-т*, *-да/-та*, *-ду/-ту*, *-дур/-тур*, которые Н. Поппе возводит к **-да*, **-ду*²³. Если учесть, что монгольские языки, в принципе имеющие сочетания *бд*, *гд*, *рд* (например: *баригдах* «быть схваченным», *шү:рдех* «мести метлой»), в дат.-местн. падеже их не допускают (ср. *гарта* «в руке», *хэбте* «к форме», *булагта* «к источнику»), то можно предположить, что звук *д* в аффиксе этого падежа восходит к *т*, что и подтверждается при учете данных тюркских и енисейских языков. Огласовка могла быть изначально разной: в кетском, например, морфема *та* означает направленность по плоскости, а *то* — направленность вверх или в прошлое. Нарращение *р*, имеющееся в класс.-монгольском, представляет собой уже рассмотренный выше элемент. Показатель дат.-местн. падежа в монгольских языках мы таким образом отождествляем с местн. падежом в тюркских и енисейских языках.

В монгольских языках представлены еще два падежа ограниченного распространения (или образуемых от ограниченного числа слов наречного типа) — падеж предела и направ. падеж. Монгольский падеж предела, или терминатив, имеет аффиксы бурят. *са:*, калм. *ца:*, орд. *че:*, которые возводятся к *ча-га*, *ча-гай*; ср. соответствия в тюркских языках, например, чул.-тюрк. *-ч'а*, *-ц'а*. В енисейских языках такого падежа нет.

Направ. падеж распространен повсеместно, но употребляется только в отдельных словах, имеющих, как выражается Г. Д. Санжеев, «топографическое» значение. Аффикс этого падежа *-ру:* (во все языках, кроме классического), орд., бурят., халх. *-ру:*, *-лу:*, калм. *-у:р*, возводят к слову *уругу* «вниз по» (> *ру:*), сохранившемуся к класс.-монг., и к сочетанию формата местн. падежа *-а* с наречным словом *-гур* (*а-гур*), представленному в калм. *до:гу:р* «внизу», *де:гүр* «наверху»²⁴.

Аффикс *-Уару* с направительным значением имелся в древнетюркских языках, например: *сан-гару* «к тебе»²⁵; конечный элемент некоторые исследователи сопоставляют с аффиксом *-ра*, имевшим в древнетюркском языке местно-временное и направительное значение²⁶. Г. И. Рамstedт был склонен отождествлять этот аффикс с кит. **лу* «путь, дорога»²⁷. Допустимо, однако, рассматривать *-ра* как реверсивную форму енисейск. *ал*, *ар* «часть, сторона, место подальше», имеющего близкое соответствие в тюркских языках — ср. казах., койб., саг. *ар* «другая (сторона), напротив», татар., уйг. *ал* «передняя (сторона)». В этом случае чул.-тюрк. *ташкара* можно осмысливать как «сторона (*ра*) наружу (*ташка*)»; ср. ол *цикелген ташкара* «он выскочил наружу».

²³ Н. Р о р р е, указ. соч., стр. 199.

²⁴ Г. Д. С а н ж е е в, Сравнительная грамматика..., стр. 175.

²⁵ А. von G a b a i n, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 99, 89.

²⁶ См.: Э. В. С е в о р т я н, Категория падежа, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 59—60; иное объяснение см.: Ф. Г. И с х а к о в, Имя существительное, там же, стр. 105.

²⁷ Г. И. Р а м с т е д т, указ. соч., стр. 53.

Падежный аффикс *-ka* в древнетюркском имел преимущественно директивное значение²⁸, как и в кетском языке²⁹. Огласовку конца слова в др.-тюрк. *ташкару* можно связать с огласовкой *ы* конца этого же слова в алт. *тышкары*, долг. *таУары*, как и во многих других тюркских языках³⁰. В ряде тюркских языков этот аффикс отсутствует, например, в якут. *таска*; в других же усечен конечный гласный, например, хак. *тасгар*. Др.-тюрк. *ташра* «снаружи» можно объяснить из **ташУра* (ср. якут. *таһыгар* «вне»), но также из **таш ар* «наружная сторона» (ср. долг. *таУара* «наружу»).

Перейдем к обзору падежных аффиксов тунгусо-маньчжурских языков. Тунгусо-маньчжурские падежные форманты в звуковом отношении значительно отличаются от перечисленных тюркско-монгольских. Поэтому прежде чем перейти к их рассмотрению, надо указать принципы, в соответствии с которыми может быть найдена надежная база для сопоставления (в виде закономерных рядов звуковых соответствий на праязыковом уровне). Исходя из того, что возникновение форм склонения в алтайских языках относится приблизительно к тому же времени, что и сложение средств спряжения, можно допустить, что общие для тех и других форм звуковые компоненты входят в одинаковые ряды закономерных соответствий. Эти ряды соответствий для тунгусо-маньчжурских языков удобнее найти путем анализа форм спряжения, так как состав и принципы построения относящихся сюда аффиксов выяснены путем сопоставления урало-алтайских глагольных форм с енисейскими³¹.

Рассмотрим сначала лично-предикативные аффиксы в тунгусо-маньчжурских языках. Для 1-го лица ед. числа отмечены окончания *-м*, *-в*, *-у*, *-ми*, *-би*, *-ви*, *-и*³². Из них *-у* представляет собой вокализацию конечного билабиального *-w* (как в самодийских языках); *и* возникло из **wi* < *би*³³. Остается решить, какая из форм — *-ми* или *-би* — является первичной. Допускаем, что этот аффикс восходит к протоенис. форме для того же лица **бид* «я» (женщина). Конечный звук *д* в протоенисейском — классный показатель, во всех алтайских языках сохранился в виде *н*, вызвавшего появление звука *м* вместо *б* (*бид* > *бин* > *мин* > *ми^н* > *ми*).

1-е лицо мн. числа выражено аффиксами *-в*, *-п*, *-у*, *-вун*, *-ун*, *-пу*, *-му*, *-вун*, *-т*, *-ру*, *-су*, *-ду*. Из сопоставления *-ми* (ед. ч.) — *-му* (мн. ч.) можно видеть, что выражение числа в 1-м лице было связано с вариацией гласных. Можно думать, что аффикс *н* во мн. числе, сохранившийся в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, в протоалтайском имел значение классного показателя одушевленного множества с эксклюзивным смыслом;

²⁸ См., например: А. С. А м а н ж о л о в, Глагольное управление в языке древнетюркских памятников, М., 1969, стр. 39.

²⁹ М. Н. В а л л, Употребление падежей в кетском языке. Канд. диссерт., Томск, 1970, стр. 88 и сл.

³⁰ См.: «Philologiae turcaicae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 794.

³¹ А. П. Д у л ь з о н, Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими, «Уч. зап. [Томск. гос. ун-та]», 75—Вопросы лингвистики, 2, 1969, стр. 110 и сл.

³² Сводные таблицы личных окончаний см.: В. И. Ц и н ц и у с, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 272—273; О. П. С у н и к, глагол в тунгусо-маньчжурских языках, М.—Л., 1962, стр. 169, 191.

³³ Об истории развития личных окончаний см.: О. П. С у н и к, указ. соч., стр. 196—197. Установление исходных форм очень затруднено тем обстоятельством, что эти окончания сильно изменились вследствие ассимиляции и слияния с исходами глагольных основ разных классов. См. об этом: В. А. А в р о р и н, О категориях времени и вида в нанайском языке, «Язык и мышление», II, 1948, стр. 29—55; е г о ж е, О категории вида и времени в маньчжурском языке, ИАН ОЛЯ, 1949, 1 стр. 60—66; К. М e n g e s, The function and origin of the Tungus tense in *-ra* and some related questions, «Language», 19, 1943; J. В e n z i n g, Die tungusischen Sprachen, Wiesbaden, 1956, § 131.

формально он соответствует енисейскому *н*. Форму **бун* «мы (без вас)» можно рассматривать как мн. число от *б(и)* «я». Ограничение круга лиц аффикс *-н* выражает также в уральских языках³⁴, ср. хант. *мин* «мы (двое)» *мъң* «мы (многие или все)». При утрате классной системы этот показатель мог отпасть. Поэтому ход развития аффикса 1-го лица мн. числа можно представить в следующем виде: *бун* ~ *вун* > *пун* > *пу^н* > *пу* > *п* ~ *ш* ~ *у*.

Инклюзивная форма мн. числа представлена двумя вариантами: *-м* и *-ру*; рассмотрим сначала последний. Из парадигмы спряжения глагола «знать» в изъявительном наклонении, приводимой К. А. Новиковой для эвенского языка³⁵, видно, что основой настоящего времени этого глагола является *ha:-н-*. Показатель времени *ан* сохранился только во 2 и 3-м лицах ед. числа, а в остальных лицах он исчез с назализацией предшествующего гласного; в 1-м лице под ассимилятивным влиянием звука *н* этого аффикса возникло *р* из альвеолярного *д* (в енисейских языках *д* — показатель класса одушевленных). Отсекая этот *н* как элемент, не относящийся к форманту лица, получаем *ду* < *ду^н* < *дун*, которое соответствует протокет. *ди-н* «мы» (женщины) и **да-н* «мы» (мужчины), имеющим в кетском языке свои объектные формы в виде *ди-ң* и *да-ң*. Другой вариант инклюзивной формы 1-го лица мн. числа с аффиксом *-н* можно вывести из протоалтайского **-т-ан*, в котором *-т-* является показателем числа (неограниченного множества), а *-ан* — показателем 1-го лица. Попутно отметим еще, что из сказанного становится понятным присутствие *б* или *м* в местоимении 1-го лица: форма с *м* в ед. числе в алтайских языках появилась после возникновения перехода *б* и *д* в *м* и *н* при наличии носового в том же слове³⁶; форма с *б* говорит о раннем отпадении классного показателя *д*. Во мн. числе наличие *б* объясняется тем, что при инклюзивном значении показатель одушевленности множества восходит к *т*.

Для 2-го лица ед. числа в тунгусо-маньчжурских языках употребляются следующие аффиксы: *-нни* (*-нне*), *-нры*, *-чи*, *-си*, *-с*, *-ти*, *-Уи*. Аффикс *-нни* и *-нры* можно возвести к **-нти*, где *н* — показатель времени; аналогично возникло *-чи* < *-нтси*, где *т* — вставочный звук. Остающиеся три варианта восходят к протоенисейскому аффиксу *-ки*, *-Уи* (*ки* > *Уи* > > *ји* > *си* > *с'и* > *си*), который сохранился в удэгейском *-Уи*.

2-е лицо мн. числа представлено аффиксами *-сун*, *-су*, *-с*, *-Уу*, из которых последний (удэгейский) вариант точно совпадает с кетским и восходит к **-Уун*. Все же остальные варианты вряд ли можно прямо связать с этим архетипом; варианты со звуком *с* восходят к *сун* (> *су* > *с*), но образованы от формы 2-го лица ед. числа по аналогии с формой 1-го лица мн. числа.

3-е лицо ед. числа представлено в тунгусо-маньчжурских языках аффиксами *-н*, *-ни*, *-ны*, нуль (удэгейский), а для мн. числа *-тын*, *-тин*, *-л*, *-чи* (орок.). Окончание *-н*, *-ни* возникло, видимо, путем ассимиляции звука *т* с *н* в настоящем и будущем времени. Что окончание *-н*, *-ни* восходит к **-нт*, **-нти*, подтверждается формой мн. числа *-ти-н*, *-ты-н*, например: эвенск. *ha:n* «знает» < **ha:n-т*; *ha:p* «знают» из **ha:nр* < < *ha:нду* < *ha:нтун*. Элемент *т* произошел, вероятно, из указательного местоимения типа кетск. *туде*, *туд* «тот», *туне*, *тун* «те».

Орок. *-чи*, можно думать, возникло из **н-тин*, в котором общим с ед. числом является только *т*, представленный там звуком *н*. Возникновение нанайск., ульч. *-л* во мн. числе можно объяснить так: нанайск. *ба:ра*

³⁴ См.: В. Collinder, Comparative grammar of the Uralic languages, Stockholm, 1960, стр. 303.

³⁵ «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 98.

³⁶ См.: A. Schiefner, An- und Auslaut bedingt sich gegenseitig, «Mélanges asiatiques», III, St.-Pb., 1859, стр. 281—285.

«найдут» < *ба:раⁿ < ба:ранд; ба:рал «найдут» < *ба:рар < < ба:раⁿp < ба:ранду < ба:рантун.

Покажем теперь развитие личных глагольных окончаний на основе упомянутой выше эвенской парадигмы спряжения глагола «знать»:

Ед. число

1-е лицо *ha:р̄ьм* < *ha-aⁿ-р̄ьм* < *ha-ан-д̄ьм* < *ha-ан-даб*
 2-е — “ — *ha:-нры* < *ha-ан-ды* < *ha-ан-ты*
 3-е — “ — *ha:-н* < *ha-ан* < *ha-ан-т*

Мн. число

1-е лицо *ha:-ру* < *ha-aⁿ-руⁿ* < *ha-ан-дун* (эксклюзивное)
ha:-р̄ьп < *ha-ан-д̄ьп* < *ha-ан-таб* (инклюзивное)
 2-е — “ — *ha:-с* < *ha-aⁿ-суⁿ* < *ha-ан-Үун*
 3-е — “ — *ha:-р* < *ha-aⁿр* < *ha-ан-дуⁿ* < *ha-ан-тун*

Несколько слов о притяжательных аффиксах тунгусо-маньчжурских языков. Они генетически связаны с личными местоимениями³⁷, но восходят не к общетунгусо-маньчжурскому *би «я», *си «ты», а к их косвенной основе. Особенно это становится видно при сравнении с кетским языком, где основа инкорпорирована в глагольную форму и имеет разнозначные варианты *-ба-б* («я» — пассивный объект), *-ба-к* («я» — объект по неволе), *-ба-т* («меня [достигает]»), *-ба* («меня» — без точного определения). Тунгусо-маньчжурский притяжательный аффикс лица восходит к последнему варианту. Он указывает не на класс, а только на лицо, поэтому не начинается с *м*; и там, где *м* встречается, оно вызвано контактной ассимиляцией или переносом из лично-предикативной серии аффиксов.

Значение показателя мн. числа *-н* в составе тунгусо-маньчжурских личных местоимений неодинаково, хотя этот формант во всех случаях можно связать с кетским *-д* и *-н*. Так, например, в косвенной основе эвенского местоимения *му-н* «мы (без вас)» *-н* обозначает ограниченное множество, тогда как *-н* в косвенной основе 2-го лица мн. числа *су-н* — множество вообще («вы узкого коллектива», «вы все»). В том и другом случае это *-н* связано с протоенисейским *-д*, *-н*. В кетском языке проведено четкое разграничение формы местоимений по их функции в качестве субъекта (*ди-н* «мы», *ку-н* «вы», *ду-н* «они») или объекта (*ди-ң* «нас», *ку-ң* «вас», *у-ң* «их») посредством аффиксов *-н* или *-ң*. В тунгусо-маньчжурских языках конечный согласный (*н*) в несамостоятельных формах личных местоимений или в их косвенной основе (*мин* «я», *син* «ты» — *мун* «мы», *сун* «вы») представлял собой предположительно классный показатель, которому в ед. числе соответствует кетск. *-д*, а во мн. числе — *-н*. В местоименно-притяжательных формах звук *ң* в той же позиции (ульч. *миңги* «мое», *сиңги* «твое») не является вариантом рассмотренного. По происхождению легко объединить негид. *мин*, *миңи*, орок. *миниңи* «мой», имеющих свое соответствие в тюрк. *мениңки* «мой, являющийся моим»³⁸. Во всех этих случаях *н* восходит к енисейскому классному показателю *д*. Но ульч. *миңги* «мой» нет необходимости возводить сюда же; можно думать, что это — старое наследие, так как в кетском имеется форма, конструктивно ей точно соответствующая (*баң-а* «у меня», *баң-ай* «тот, который у меня»).

Из приведенного сопоставления компонентов личных окончаний глагола тунгусо-маньчжурских языков с соответствующими енисейскими

³⁷ О. П. С у н и к, Введение [к разделу:] «Тунгусо-маньчжурские языки», «Языки народов СССР», V, стр. 61.

³⁸ «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, стр. 233; Н. А. Б а с к а к о в, Каракалпакский язык, II, М., 1952, стр. 263 и сл.

Формантами на праязыковом уровне можно сделать вывод, что звуковые компоненты этих аффиксов — *б, в, м, п, д, т, к, г, Ү, ң, с* — входят в ряды закономерных межъязыковых соответствий. Из таких соответствий можно указать: *б ~ б, п, в, м; д ~ д, р; т ~ т, д, р; ң ~ ң; к ~ к, г, Ү, с, нуль; с ~ с, ш*. Эти соответствия можно встретить также в лексическом материале, например: эвенк. *бу-* «умереть», кетск. *бу-ң* «умерший, мертвец»; эвенк. *һал-ка*, нанайск. *палла* «молоток», кетск. *һу:l*³⁹; эвенк. *дз'еб-* «кушать», кетск. *д'уб*; эвенк. *һула*, нанайск. *поло* «осина», кетск. *ы:л', ыфел', у:л'*; эвенк. *до:-* «садиться (о птице)», кетск. *до²-к*; эвенк. *ба:де* «лицо», кетск. *бат*; эвенк. *дари* «из-за, ради», кетск. *д'ат*; эвенк. *улаб-дай* «мокнуть», кетск. *улаб-ен* «мокнет это»; эвенк. *бака* «находить», кетск. *бъ°Үа*; эвенк. *хот* «дорога», кетск. *хот, хоат, ко²т*; эвенк. *ме:н* «сам», кетск. *бен, бин*; эвенк., нанайск. *дёло*, эвенск. *дёл*, чуваш. *чул*, письм.-монг. *чила-Үун* < **тыла-Үун*⁴⁰, якут. *та:с*, хакас. *тас*, уйг., ойр. *таш*, кетск. *ты:с, ты²с* «камень».

Во многих случаях трудно отличить исконно общее от заимствований. Когда слова в разных языках одинаково членятся и сходятся по компонентам, можно думать об исконном родстве, например: эвенк. *ма-н-а* «кончатся» (о продуктах), кетск. *һа-н-а*. В кетском *һ* входит в ряд *п ~ ф ~ һ ~ 0*; переход *п > ф > м* был осуществлен уже в общеалтайское время. Когда вместо *б* енисейских языков без видимого основания появляется *м* в тунгусских, можно думать о заимствованиях, например: эвенк. *моң-ка*, кетск. *һоң* «сеть», или о разном построении сравниваемых слов, например: эвенк. *мар-*, *мал-*, кетск. *һал, һалр* «согнуть», где *м* в эвенкийском слове может являться отражением енисейского объектного показателя вещи (*б*), т. е. эвенкийская форма слова *мал* могла появиться вместо кетск. *һал-б-* «согнуть это». Поэтому вполне возможно, что эвенк. *макта* «любить», бурят. *махта* «славить», чуваш. *му:хта* «хвалить», леб. *пакта*, татар., ойр., узб. и др. *макта*, хакас. *махтирҮа* «хвалить», разъясняющиеся из кот. *б-ак-ти:р* «хвалить это»⁴¹, кетск. *д-ак-т-а-б-ет* «хвалю это», являются словами, свидетельствующими об исконной общности этих языков с енисейскими. Так как из этих слов в алтайских языках выделяется компонент *мак*⁴², встречающийся самостоятельно в значении «слава» (полов., ойр., узб., хакас. и др.), а в енисейских языках отсекается и начальный согласный, то признавать это енисейское слово заимствованием из алтайских языков нет оснований⁴³.

Перейдем к рассмотрению падежных аффиксов тунгусо-маньчжурских языков. В этих языках прослеживается такое же деление существительных на типы по исходу основ, как и в монгольских языках. В числе других выделяется группа существительных с неустойчивым *н* в конце слова, например, в нанайском *по:по^н* «пила», *по:пока^н* «пилка», *по:по-ни* «пила его», *по:пон-сал* «пилы», *по:помба* < *по:понба* «пилу», *по:помпу* < < *по:пон-пу* «наша пила»⁴⁴. Звук *н* здесь — прежний классный показатель (*д*); в уменьшительной форме он находится в конце слова после уменьшительного аффикса, например: *по:пока^н* < *по:по-ка-н*. Косвенные основы существительных этой группы оканчиваются на согласные *г, к, ң*, которые можно возвести к *ң*; формант *ң* соответствует аффиксу кетского посессива

³⁹ К. В о u d a, Die Sprache der Jenissejer, «Anthropos», 52, 1957, стр. 78—79.

⁴⁰ Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр. 365.

⁴¹ А. J. J o k i, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, Helsinki, 1952, стр. 78—79.

⁴² См.: М. R ä s ä n e n, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen, Helsinki, 1969, стр. 321 а.

⁴³ О ряде чередования *п ~ ф ~ һ ~ 0* в алтайских языках см.: N. P o r r e, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Tl. 1, Wiesbaden, 1960, стр. 10.

⁴⁴ В. А. А в р о р и н, Грамматика нанайского языка, 1, М., 1959, стр. 132.

на *д-а-ң*, *д-и-ң*, где, однако, опущены классный показатель *-д* и аффиксы рода (*а*, *и*). Примеры: нанайск. *дэрэл* «лицо» — *дэрэг-бэ-си* «лицо его» (вин. п.); *пэрэл* «дно» — *пэрэң-ни* «дно его»; *пурил* «дети» — *пурик-чи* «их дети». Этот же аффикс *ң* входит в состав посессива эвенкийского и маньчжурского языков⁴⁵, например: эвенк. *эвенкиңи: эңэсин хуокуи* «сила у эвенка маленькая»⁴⁶. В остальных падежах прямых совпадений с кетским мало.

Вин. падеж в тунгусо-маньчжурских языках образуется посредством аффиксов *-ба*, *-ва*, *-па*, *-ма*, *-бэ*, *-вэ*, *-пэ*, *-мэ*, *-мо*, *-бу*, *-ву*, *-в*, *-м*, *-у*, *-во*, *-мо*, *-бо*; по ним можно восстановить пратунг.-маньчж. **ба*, **бо*, **бу*, **бэ*. В этих последних можно видеть реликты кетских оформителей инкорпорированного объекта *аб*, *об*, *уб*, *эб* в реверсии⁴⁷.

Тунгусо-маньчжурские аффиксы дат.-местн. падежа *до*, *ду*, *ду:*, *ту:* совпадают с соответствующими монгольскими и могут быть возведены к *ту* или *то*. Так как согласные в этих аффиксах входят в ряд чередования *д ~ т*, которому в протокетском соответствуют *н* или *т*, то исходным звуком будем считать *т*, тем более, что морфема *то* в кетском имеет суперэссивное значение (отвечает на вопросы: «на чем?», «в чем?»), как и в тунгусо-маньчжурских языках.

Твор. падеж в тунгусо-маньчжурских языках оканчивается на *-т*, *-ч*, *-ди*, *-д'и*, *-дз'и*, *-дж'и*. Исходя из приведенных выше соответствий, можно возводить эти аффиксы к пратунгусо-маньчж. **таи*, тождественному аффиксу монгольского комитатива. Пратунгусо-маньчж. аффикс **та* сохранился в виде *-т*, а с предикативным окончанием *и* получил иное развитие: **таи > ти:* > *чи* > *ч*. Контракция *аи* могла произойти уже в пратунгусо-маньчжурское время, так как *ч* встречается во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме эвенкийского.

Местн. падеж в тунгусо-маньчжурских языках имеет окончания *-ла*, *-дула*, из которых второе употребляется после косвенных основ. Компонент *-ла* можно, вероятно, отождествить с аффиксом соединительного падежа монгольских языков. Происхождение компонента *-ду* неясно — во всяком случае, В. А. Аврорин прав, утверждая, что этот компонент не следует смешивать с аффиксом дат.-направ. падежа⁴⁸. Аффикс *-дула* возник у группы существительных на *н* (*но:пондола* «за пилу»): при присоединении аффикса *-ла* при переходе от альвеолярного *н* к постдентальному *л* возник вставочный *д* (*-ндл*), который был сближен затем с аффиксом дат.-местн. падежа *-ду* (см.: *ндла > ндула*) по внешнему сходству, а иногда и по значению.

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков аффикс продольного падежа *-ли:*, *-дули:* восходит к **лаи*, представляющему собою предикативную форму местн. падежа *-ла* («при, возле находясь»); вариант *дули:* образовался аналогично показателю местн. падежа *-дула*. Оба варианта скорее всего возникли еще в общетунгусо-маньчжурское время. Аффикс *-ки*, представленный в ульчском и орокском, можно объяснить из *ки:* < *ка-и*, формально соответствующего тюрк.-*ки*, монг. *-хай ~ -кей*, кетск. *-кай*, *-кей*; у этого аффикса продольное значение, очевидно, развивалось

⁴⁵ См.: О. А. Константинова, Эвенкийский язык, М., 1964, стр. 65, Г. М. Василевич, Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1940, стр. 36; К. Менгес, указ. соч., стр. 109.

⁴⁶ О. А. Константинова, указ. соч., стр. 64.

⁴⁷ Другое мнение высказывает Г. И. Рамстедт (указ. соч., стр. 38). Ср. также: К. Менгес, Die tungusischen Sprachen, «Handbuch der Altaistik», V, 3. Abschnitt — Tungusologie, Leiden — Köln, 1968, стр. 63. Относительно происхождения аффикса вин. падежа *-ж* в уральских языках см.: Б. А. Серебrennikov, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М., 1964, стр. 70.

⁴⁸ В. А. Аврорин, указ. соч., стр. 164.

из направительного. Этот же аффикс можно видеть в окончаниях эвенского назначительного падежа *-гай* «для своего», *-ган* «для его», в окончаниях направ.-местн. падежа эвенкийского и эвенского языков *-кла* < *-ка-ла* и направ.-продольного падежа эвенского языка *-клы* < **ка-лаи*.

По характеру чередующихся согласных (*т ~ д* и *к ~ г ~ й*) в тунгусо-маньчжурском аффиксе отлож. падежа *дук*, *дук-кай*, *дуки*, *дуи*, *диги* можно реконструировать архетип **дук ~ дуң ~ туң*, не совпадающий с тюркским (алтайск., шорск., хакасск.) *-даң*, *-таң* того же значения только по огласовке. Если исходить из енисейских языков, для **та-ң* можно предположить значение «удаление на плоскости» — в отличие от **то-ң* «удаление вверх».

Направ. падеж в тунгусо-маньчжурских языках имеет аффиксы *-тки*, *-тыки*, *-таки*, *тиги*, *-тэки*, *-тихи*, *-ти*, *-чи*, из которых первые являются сложными. Возводить их вслед за Г. И. Рамstedтом к самостоятельному слову *тики*, тюрк. *тик*, *тикä* «прямой (стоячий)»⁴⁹ мы считаем невозможным. Скорее всего двухсложные варианты состоят из частей *ти* «туда, в направлении к» и *ки* < *кей*, *кай* «внутри» — в кетском языке имеются подобные морфемы с таким значением, при соединении которых возникает инессивное значение. Встречающийся в орокском вариант *таи* представляет собой предикативно оформленную директивную морфему («туда»).

Исх. падеж (элатив) образуется в тунгусо-маньчжурских языках посредством аффиксов *-кит*, *-гит*, *-ңит* < **-ңгит*; *-гич*, *-ңич* < **-ңгич*; *-диади*, *-диэди*, *-дзи*, *-дзеду*, *-джиджи*; *-ду*, *-дуки*. Орокский вариант (*-ду*, *-дуки*) состоит из рассмотренных выше элементов *-ду* и *-ки*. Компонент *диа/диэ* в нанайском можно рассматривать как формант контрастности⁵⁰. Вариант *-кит*, *-гит*, *-гич* можно рассматривать как сложный (*ки-т*), в котором начальный элемент связан, по-видимому, с аффиксом обладания, сопровождения или орудия действия (*-ко*, *-ку*)⁵¹; ср. нанайск. *хадок* «коса» от *хад* «косить» (ср. кетск. *хад*, *хад* «косить»); нанайск. *посико* «брить» от *поси* «брить, стричь, срезать» (ср. кетск. *паси*, *фаси* «брить, стричь, срезать»). Второй компонент аффикса *т ~ ч ~ ди* можно возвести к **ти*. Суффиксу обладания *-ко*, *-ку* соответствует в кетском *-то*, *-ту*, как и в монгольских языках; ср. калм. *күчүн* «сила» — *күчитү* «сильный» (ср. нанайск. *кусун* «сила» — *кусунку* «сильный, с силой»). Совпадающее с этим компонентом *ки-* окончание имеет отлож. падеж в самодийских языках — оно восходит к **ка-та*, *ки-та*; ср., например: нган. *маката* «из дома» (*ма* «дом»), *тагата* «от оленя» (*та* «олень»). Компонент *ка* имеет здесь адессивное значение, а *та* — эгрессивное; эти значения не повторяют, а дополняют друг друга («оттуда прочь»).

Итак, прямых совпадений в падежных системах тунгусо-маньчжурских и протокетского языков мало, но почти все компоненты тунгусо-маньчжурской системы по отдельности можно генетически связать с теми или иными протоенисейскими элементами. Отсюда можно сделать вывод, что, когда произошло отделение прототунгусо-маньчжуров от первоначальной енисейско-алтайской общности, в языке носителей последней склонение было представлено еще только в зачаточном состоянии; если же допустить былое наличие праалтайского языка, то в нем имелись довольно глубокие диалектные различия.

Общность алтайских языков с енисейскими в отношении падежных аффиксов — одно из свидетельств отдаленного родства этих языков. Гипотеза об этом родстве может быть подтверждена целым рядом других фак-

⁴⁹ Г. И. Рамstedт, указ. соч., стр. 5.

⁵⁰ См.: В. А. Аврорин, указ. соч., стр. 129.

⁵¹ Там же, стр. 117 и сл., 192 и сл.

тов ⁵², в частности, наличием некоторого количества общих словарных корней (однако не это последнее имеет решающее значение для констатации родства ⁵³). Установление факта родства, по нашему мнению, должно основываться главным образом на морфологических общностях и на сводимости морфологических особенностей сопоставляемых языков, а определение степени родства — на количестве и значимости морфологических совпадений.

⁵² Необходимые условия для доказательства наличия генетического родства подробно рассматриваются в кн.: G. D o e r f e r, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, 1, Wiesbaden, 1963, стр. 61, 77, 79, 80, 82, 86, 89, 90, 91, 92. Турко-монгольские падежные аффиксы, по его мнению (там же, стр. 82), возможно, исконно общие, но генетическое родство этих языков он считает все же маловероятным (см. также: G. D o e r f e r, Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen, IF, 71, Hf. 1/2, 1966, стр. 110).

⁵³ См.: В. C o l l i n d e r, Jukagirisch und Uralisch, «Uppsala Universitets Årsskrift», 8, 1940, стр. 16.